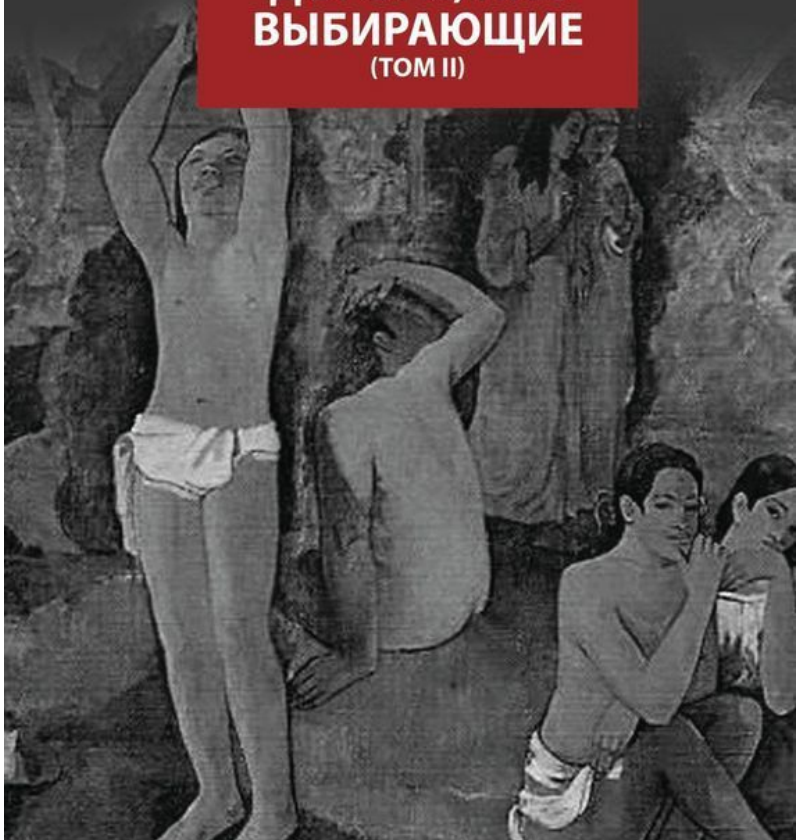

ПЕТР ПЕТРОВИЧ
КОТЕЛЬНИКОВ

**ДОРОГИ, НАС
ВЫБИРАЮЩИЕ**
(ТОМ II)

Петр Петрович Котельников

Дороги, нас выбирающие. Том II

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19424985

ISBN 9785448301650

Аннотация

Нам, живущим, кажется, что жизненный путь наш определяется нашими желаниями... Но это не так. Многие обстоятельства, иногда самого незначительного характера, изменяют резко его. И мы говорим в таком случае: «Так распорядилась судьба». Автор, используя жизненные примеры, свидетельствует о закономерностях этих процессов.

Содержание

Осмысление – не основа ли сомнений наших?	5
Формирование раба	21
Цветы жизни так различны	24
Кто награждает разумом малыша?	26
Пытливый ум	32
Ценнее информации ничего нет	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Дороги, нас выбирающие
Том II
Петр Петрович
Котельников

© Петр Петрович Котельников, 2016

Редактор Олег Петрович Котельников

ISBN 978-5-4483-0165-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Осмысление – не основа ли сомнений наших?

Вера в Господа, создателя мира, заставляет глубоко осмыслить слова молитвы: «И будет воля твоя, яко на небе, так и на земле». Звучат в ней слова «сомнения и слова великой надежды!» Что заставляет нас мыслить так? Наверное, сочетание красоты земли со страданиями и властью смерти в ней. И пусть мы не похожи на древних, готовящих себя к смерти, при первом сознательном знакомстве с укладом жизни, но и большинство живущих сейчас не без содрогания вспоминает о приходе того, что неминуемо. И каждый тешит себя иллюзией того, что переход из одного состояния в другое будет для него легким.

У смерти много лиц – все ложные,
Хотя естественна в основе, и реальна.
Чтоб скрыть следы от прежнего, возможно,
Все для того, чтоб оставаться тайной?

Безверье молодых к делам своих отцов.
Приходит осмысление былого?..
Но тайны не поняв, в конце концов,
Приходим все к тому, что смерть – всему основа.

Чувствует ли новорожденный наступление, ну, хотя бы приближение смерти? Осознан ли процесс умирания там, где умудренные возрастом считают невозможным присутствия разума? Противоречия этому факту уже видны из тех рекомендаций, которые дают психологи будущим родителям: говорить чаще, обращаясь непосредственно к тому, кто еще находится в полости матки. Вот только, мне грешному, так и не понять, на каком языке с будущим человеком говорить? Какими зачатками знаний языков плод владеет? Говорят, что «ребенок» должен привыкнуть не к словам, обращенных к нему, а к особенностям звуков, издаваемым родителями при разговоре! Одним словом, он, находясь в утробе матери, начинает определять отца и мать по голосу.

Вот было б чудо, если б плод
Заговорил по арамейски!
И взрослым бы поведать мог,
Каков язык житейский.

Но нет надежды, что поймут?..
Утрачена основа.
И станет все на ложный путь:
Начать с зачатья снова!

Но таинства этого великого акта жизни, во внешнюю сторону которого так беспардонно вторгаются безумцы от чувств человеческих, остается не до конца раскрытым,

хотя многие люди от науки видят в нем только биологическую часть творения. Душевная сторона остается недоступной. И нет пока того из них, кто при душевном страдании подшефного, скажем при шизофрении, обнаружил бы материальную, видимую глазом, причину. Потому, что ее просто нет. И обращаются в таких случаях, чтобы хоть как-то прикоснуться к истине, всякий раз к наследственным признакам, идущим из древности к современному. А какова их естественная, земная, основа? Кто знает? Некоторые представители рода человеческого или сами объявляли себя посланцами Бога, или об этом свидетельствовали другие. Только ведомо мне, что люди, играющие роль посредников между Богом и людьми, высочайшей знатностью происхождения похвастаться никогда не могли. Богатство и знатность не обладают возможностями познания того, что составляет насущную потребность их подданных. Права тут пословица: «Сытый голодного не разумеет!»

У каждого судьба своя —
Один рождается в хоромах,
Есть герб, корона, вензеля.
Возможности огромны.

Вокруг него придворных хор,
А удовольствий, развлечений!..
Есть все, о чем тут разговор,
Не тягостно ему ученье.

Оружье чудного литья —
Вот – значимый предмет!
К тому ж, есть мальчик для битья.
И слава с юных лет.

А как быть другому, находящемуся на противоположной
точке отсчета материального благосостояния, тому, у кого
крышею при рождении было небо, а стенами – бескрайний
простор земли?

Другой рождается в пути,
В хлеву, иль на дороге,
Просвета в жизни не найти,
Печали, да тревоги!

Ребенок, – надо понимать, —
В желаньях многих,
Всегда зовет на помощь мать,
Забыв отца и Бога.

Связь с нею так сильна,
Так велика любовь,
Что отступает смерть сама,
И утихает боль!

Небес откроются врата,
В глаза заглянет вечность,
Мать рядом будет и тогда, —

Добра и человечна!

Добро приходит к бедняжке от жизни не только от чаш с сосками, несущими ребенку все необходимое для жизни, но и от звуков голоса, разговаривающего с ним или поющим колыбельную песню, когда сама колыбель может и отсутствовать, или когда роль ее будет выполнять охапка прелой соломы.

Я полагаю, что имеет право на существование и та песня, которую создал я, пытаясь понять чувства матери, все отдавшей для своего ребенка:

В мире этом все давно уснули.
Почему же ты не спишь, малыш?
Феи ночи к нам не заглянули,
Под полом скребется тихо мышь,

Спи, малыш, я песенку спою,
Спи, мой ангел, баюшки-баю!

Вздрогнул, – это ведь не крыса,
Мы ее не пустим на порог!
Это – ветер загулял по крыше,
От дождя и холода продрог!

Спи, малыш, я песенку спою,
Спи, мой ангел, баюшки-баю!

Пусть гуляет, мы его не пустим,
Плотно в доме все забиты щели.
Ты усни, теплее станет, лучше,
Солнышко придет в конце недели...

Спи, малыш, я песенку спою,
Спи, мой ангел, баюшки-баю!

Через щель на крыше видно небо,
На тебя, мой маленький, не каплет.
На ночь получил кусочек хлеба,
Я тебя укрыла своим платьем...

Спи, малыш, я песенку спою,
Спи, мой ангел, баюшки-баю!

Спи мой ангел, набирайся силы,
Я б хотела все тебе отдать...
Мы проели все, что только было...
Может быть, придет к нам благодать?..

Спи, малыш, я песенку спою,
Спи, мой ангел, баюшки-баю!

Нет работы, где ее найду?..
Завтра по дворам с тобой пойдем...
Может быть, на хлеб и подадут?:..
Мы за это песни пропоем.

Спи, малыш, я песенку спою,
Спи, мой ангел, баюшки-баю!

Скоро для подрастающего ребенка станет близким понятие «бедность». Он поймет и начнет различать уловки, к которым вынужденно прибегают взрослые для прикрытия своей бедности.

Младенец видит много лиц,
И слышит часто пение.
Приятней песен райских птиц
Младенцу – колыбельная.

Как истину ему познать,
Когда обман с пеленок?
Когда дает «пустышку» мать,
Сосет ее ребенок?

Растет ребенок, с ним обман,
Какие формы, краски?..
Потом ребенок станет сам
Из правды делать сказки.

Исходя из вышеизложенного, прихожу к серьезнейшему выводу: моему крохотному герою, далекому от всякой мысли, еще здорово повезло. Он родился в семье, где появление было желаемым. Его встретила теплая крестьянская изба. Принимала роды бабка-повитуха, уступающая акушерке

только в знании об инфекции, которая может быть и в периоде родов. Правда, бабы деревенские отличались и крепостью духа и силою тела, да еще с учетом надежды на поддержку сил небесных. Может поэтому, население России значительно прирастало, несмотря на то, что и гражданские чины, и воинские начальники смердов не жалели. Одна беда у женщины во все времена была – роды наступали без предупреждения, и задержать их не представлялось возможным. И каждому младенцу, где бы он ни родился, предстояло зацепиться за жизнь. Слишком много неприятностей ожидало его, при которых мать оказывалась бессильной. Мир, в который входил Новый человек, был одновременно прекрасным и жестоким. Чем ответить маленькому человеку на то, что не нравится ему? Только криком.

Кричи, малыш, кричи,
Да так, чтоб был услышан!
Да, не терпи, да, не молчи,
Чтоб слышали и свыше!

Чтоб слышен был на небесах,
На жизнь, имея право,
Иначе попадешь впросак,
И сгинешь не за славу!

Часто кричит малыш, не просто капризничая, а потому, ну, уж очень есть хочется, а чаши матери молока не содер-

жат. Терзает грудь, а оттуда капли жидкости, мало, чем напоминающие жирное материнское молоко только появляются, а не струйками текут. Откуда молоку взяться, если мать голодна?

Грудь – сморщенная чаша
Свисает чуть не до пупа;
Нет в пище рыбы, творога и мяса,
Суп жиденький, – картошка, да крупа...

Движения сосущего излишни,
Терзает, присосавшись, грудь малыш,
Еду привычную он ищет,
Нет молока, он получает – шиш!

Не стану останавливаться на грудном вскармливании, поскольку у новорожденного, тезки апостола, не было возможности впиваться беззубым ртом в грудь матери, и тем более, сосать ее. То ли он был настолько слаб, что сил не хватало для этого, то ли у него еще не сформировался сам рефлекс сосания, только он не только не брал грудь, но и отворачивался от нее. Приходилось сцеживать грудное молоко в чашку, делать из ваты фитиль и капать каплями на отверстие рта. Ребенку ничего не оставалось иного, как слизывать мешающие ему капли. И в последующие, дни старания матери натыкались на полное отсутствие контактов между ней и младенцем. Ребенок не брал соска, не принимал

и резиновой соски, удавалось поддерживать жизнь его, только тем, что продолжали капать молоко на губы. Он, слизнув несколько капель, отворачивался в полнейшем изнеможении от предшествующих «тяжких» усилий. Оказалось, что потребности в пище у маленького Петра были крайне малы. Набухшая грудь матери постоянно болела. Потом она перестала вырабатывать молоко. Пришлось переходить на искусственное кормление. А оно – прямой путь к множеству болезней. Они и не заставили себя долго ждать...

Мать боялась болезней, которые так и цеплялись за ее «сокровище», едва перешагнувшее двухмесячный период жизни. Она создавала столько поясов обороны, что изобретательности ее можно было только дивиться, но болезни находили с легкостью необыкновенной брешу в ее цитадели. Тем более что атаки болезней следовали одна за другой. Перерывов почти не было. Казалось, что неокрепшему созданию, едва ли улучшившему свои физические данные, не справиться с болезнями, а он мучился, но жил, там, где и крепкие дети не справлялись

Крепкий духом, крепкий телом,
И здоровье валом прет...
Жизнь внезапно отлетела...
Ну, а «слабенький»? Живет!

У того – несчастный случай,
Иль от дури – суицид...

А второй – не прыгнет с кручи,
И в огонь не побежит!

И в бою не с голой грудью...
Слабый – действует умом;
Нет ошибок крупных, грубых,
И вернется в отчий дом.

Выпьет рюмочку за встречу,
Павших в битве, помянет...
Так, зачем пустые речи?...
Слабый – разумом живет!

Деревня того времени, когда происходили описываемые события, вниманием медицины не была избалована. Наиболее частым представителем ее был судебный медик. Его появление на селе приносило немало бед, поскольку в крестьянском обществе действовало правило круговой поруки, и за гибель одного из членов все несли ответственность, Чиновнику вольготно чувствовалось в среде абсолютно безграмотных крестьян. Можно было трактовать законы, как только душе заблагорассудится. Селян можно было обвинить в чем угодно, было бы только мертвое тело, да еще со следами насильственной смерти. А уже выудить из карманов бедолаг последние денежки, было делом простой техники, в которой чиновники были виртуозами высочайшего класса. Что касается здоровья, жизни и смерти обычной, естествен-

ной, то тут все объяснялось повелением Бога: «Бог дал... Бог взял!» Можно ли было спорить с Богом самим?.. Что оставалось делать моему, чересчур юному герою, если на расстоянии 12 верст в окружности не было не только «дохтура» но и «фершала» порядочного. Людьями относительно духовного склада, врачующими пациентов оставались знахарки, а материального, грубого характера действий – коновалы. Значит, оставалось надеяться на заступничество апостола Петра. Нет, не ошиблись взрослые, обратившись к его заступничеству. Далеко не смешно было дать такое мужественное имя младенцу с едва тлеющей жизнью.

Дух мятежный в слабом теле
Разожжет желанье жизни,
Может он еще покажет, как
Служить родной Отчизне?
Не словами, а на деле!

Пусть сомнения ребенка
На пути сопровождают,
Сила разума не тает...
Чтоб не путался в потемках
Отбивая вражью стаю!

Бог дал каждому живому существу необходимые органы для восприятия живого мира. Одним, наверное, одним из самых главных является зрение. А у человека оно, к тому же,

еще и цветное.

Хотелось бы познакомить читателя с моим взглядом на возможности цветного зрения. Попытаться взглянуть на возможности передачи каждым цветом особенности состояния души.

Семь цветов составляют спектр света. Но разве это конец? Мне кажется, что это только границы нам дозволенного, возможно, открывающееся пытливому уму все в большем и большем соцветии тонкостей его. Что видит каждый из нас, глядя на сочетания цвета? Скажем, ярко желтого с белым; белого с васильковым; розового с красным и лиловым? Скажем, что видят политики Украины в сочетании синего и зеленого цветов? А что говорить о цветах, находящихся за пределами возможностей наших органов чувств. Мы только ощущаем тепло, инфракрасную часть спектра кожей своей, невидимой нашими глазами, а змея – видит его своим органом зрения. Это касается и противоположной части солнечного спектра – ультрафиолетовой. Мы «загораем» под ним, не видя его. Невидимое нами, не означает отсутствия его! Сколько мыслей возникало и, сколько чернил израсходовано, чтобы создать литературные произведения о «невидимке»? А ответ находится в плоскости познания абсолютно белого и абсолютно черного цветов. Первый невидим, поскольку все отражает, второй – потому, что поглощает все, не давая ничему вырваться из себя. И неудивительно, что в спектре света нет ни белого, ни черного цветов. Только те

семь цветов, о которых нам говорили на уроках оптики.

Цвет и свет, их ход и бег,
Хоть людьми и уловимы...
Мы твердим: «На вкус и цвет
Взгляд не может быть единым!»

Всех оттенков цвета много,
Только я не живописец.
Существует цвет тревоги, —
Вижу каменные лица...

Серый цвет и темно-серый,
Темный цвет, цвет белой ночи, —
Почему-то тянет серой, —
Все бурлит и все клоочет.

Цвет оранжевый и красный —
Цвет борьбы и жизни бурной,
Ожидать тиши напрасно —
Мысли гонит марш бравурный.

Желтый цвет — цвет увяданья,
Ранней осени, разлуки,
Цвет томления, страданья,
Цвет усталости и скуки.

Всех оттенков настроенье —
Бледно-серый и лиловый.

Уловить хочу мгновенье,
Что становится основой.

С цвета зелени и розы
Начинает жизнь движенье,
Цвет поэзии, не прозы,
Цвет невежества, сомнений,

Цвет потери безвозвратной,
Хоть потери не тревожат,
Беспредельной, необъятной —
Все казаться юным может!

Мне знакомы семь цветов,
Что находится за ними?
Каждый к поискам готов,
Чувствами понять своими.

Цвет лазури голубой
Часто взглядом выбираем,
В нем уверенность, покой, —
Цвет потерянного рая.

Цвет небесно-голубой —
Цвет спасения, надежды.
Цветом воздуха, водой
Мы любимся, как прежде!

Ну, а если цвет чернее —

Цвет воронова крыла:
Вечностью от цвета веет,
Что из древности пришла.

Белый цвет – тумана, лжи,
Привидений и фантомов.
Белым цветом дорожит,
Кто с другими незнакомый.

Говорят про белый свет,
Он – един, в нем вся палитра,
В нем любой находят цвет,
Маскируясь ловко, хитро.

Видим мы, как дождь идет,
Над полями струи хлыщут.
Только солнышко взойдет —
Свет дугой цветной повиснет.

Каждый видит в нем своё,
Как в Малевича квадрате,
Что ему не достает,
Что утратил он когда-то...

Цвет отчаянья, страданья.
А какого цвета боль?
Могут быть необычайны
Цветом радость и любовь!

Формирование раба

Почему-то родители и близкие, из самых хороших побуждений, формируют из потенциально активного высшего живого существа – раба. Разве не понимают они того, что весь государственный аппарат и без их вмешательства станет формировать послушного гражданина, а вернее послушного биологического робота, на создание которого государство и копейки денег не тратит, взвалив все заботы на родителей. А вырос мальчик, молодым мужчиной стал, жизнью и судьбой его полностью будут распоряжаться представители власти, главным средством воздействия при этом является страх, биологический защитный синдром, присущий всем живым существам, без исключения. Страхом наказания формируют часто убийцу, называя его гордым названием – воин..

И, если, вы видите покорность при полном беспределе, задумайтесь над тем, нет ли в этом доли вины вашей? Вы живете в государстве с приставкой «демократическое», а на самом деле в рабовладельческом!

Жизненные неурядицы требуют непокорного взрывного реагирования, свойственного всему живому. А взрослым нравились покорность и послушание детей. Недаром, к нам из древности пришло выражение, гласящее: «Ну, что за дети пошли в наше время – абсолютно не слушаются своих ро-

дителей!» Не задумывались люди в древности, не задумываются они и сейчас о том, что непослушание детей задумано самим Господом. Есть такие моменты, когда организм должен мгновенно принять решение самостоятельно. Времени, чтобы спросить совет у старшего нет! И непослушание наказывается только при нарушении свода законов, переданного пророку Моисею и получившего название Заповедей Господних. Моисей не только получил Заповеди, но он получил, и точно соблюдал все пункты плана вывода евреев, находившихся в семидесятилетнем египетском рабстве. Способны ли были рабы, вышедшие из Египта, вступить в борьбу за землю с оружием в руках, уже занятую другими народами, незнающими рабства? Воина, смелого и решительного, из раба не получить! Нужно было вытравить все рабское из души еврея. И для этой цели лучшего места, чем пустыня, не найти. Пустыня предъявляет очень серьезные требования к каждому живому существу. Не просто выжить в ней, долго находясь. Животные, избравшие пустыню местом своего обитания, должны были выработать для этого массу приспособлений. У человека таких приспособлений не было. Он мог сделать это, используя силу мышц своих, поскольку люди находились в постоянном движении. Укрепить дух свой, возненавидев пустыню настолько, что расстаться с жизнью за что-то, лучшее, было бы не жаль!. У тех, кто вышел из Египта, воспоминания будили жалость по оставленному, и они – роптали.

Недовольны были, поворчат,
И смиренно пустыней бредут.
Не возьмутся за меч сгоряча,
Усмиряют их слово и кнут!

Те, кто родился в пустыне, рабской жизни не ведали,
но они были готовы за лучшую долю яростно сражаться. Вот
и водил Моисей евреев сорок лет по пустыне, пока все рабы
не вымерли.

Время шло, вымирали рабы.
Поднялось поколение иное,
Не склоняют удары судьбы,
И не ищут для тела покоя!

План воспитания отважных еврейских воинов был выполнен
Моисеем, а задумал его сам Господь.

Цветы жизни так различны

Не все новорожденные подвластны кнуту и прянику. Есть и те, кто потенциально готовы к неповиновению, и с пряником, и без него!. Одни не повинуются открыто, бурно протестуя, другие внешне соглашаются, но уклоняются от выполнения обязанностей под любым предлогом, чаще всего, используя для этой цели прямой обман. Не забывают те и другие и о мести...

Воспринимайте все, как есть,
Есть шалости, проказы,
И есть продуманная месть,
И есть все это вместе, разом.

Наследование, как возможность отказаться от пути в неведомое, тоже имеет место при самой закладке новой жизни.

Так повелось, из века в век,
(И в строчках Ветхого Завета)
Наследья жаждет человек,
Свой путь, определяя этим.

Поместье получает феодал,
И свой клочок земли селянин,

И каждый путь свой твердо знал, —
Язык и веру, нес как знамя.

А нет земли, феода нет,
В наследство дадена свобода,
Сеньора сын оставит след
На службе воина, в походах

Бредет селянин в города,
С надеждою найти работу,
Но получалось, как всегда:
Судьбы не чувствовал заботы.

Все чаще терпит неудачи!
Что делать дальше, умирать?
И умирает, горько плача,
Иль начинает воровать...

Но сколь веревочка не вьется,
Всегда имеется конец:
На плахе с жизнью расстанется,
В петле повиснет молодец.

Кто награждает разумом малыша?

В век наш, многими науками обогащенный, но, как и прежде, богатый бездумными, ищет причины легковесности разума обитателей. Говорят об одаренности, гениальности отдельных личностей, о предопределенности их. И это — правда! Такая же, правда, как и та, часто гласящая, что для реализации этих замечательных даров нужен труд великий и условия определенные. Откуда зачерпнуть сведения о том, что будет с ребенком, когда он вступает в мир не сладостных грез, а жесткий, грозящий отовсюду бедами разными? На личике ребенка не разыскать критериев для этого.

Беззубый рот сосок искал,
Ребенок двигался в пеленках.
Крик торжества и рта оскал —
Заменял хныканье ребенка.

Передают из рода в род
(Момент не ведом передачи)
Родится умственный урод,
И многие потом заплачут.

И будут втайне проклинять
На свет ребенка появление,
А заодно — отца и мать —

(Совсем нередкое явление)

...

Но, следует признаться все ж,
Злодеем плод не называют,
Ведь он на каждого похож,
Частицей каждого бывает!

Плод воспитания, любви
Или простого потакания,
Не зарождается в крови
Он плод дурного созиданья!

Гляжу я в добрые глаза,
В улыбке рот его беззубый.
Чуть что, и крупная слеза
И болью поджатые губы!

Но время движется вперед —
Покажет нрав свой, зубы,
И дрожью каждого проймет,
От действий резких, грубых.

Лик безмятежный и простой
Зажжется алчностью когда-то?..
Иль беспредельною тоской,
Иль злобой лютою солдата,

Когда в атаку тот идет?..
Или иные наважденья?

Кто их ему преподает
Дух мира? Наслажденья?

Изначально выбора пути у любого ребенка нет. Он определяется общественным положением родителей ребенка.

Естественно, родители желают, чтобы дитя их, даже обладающее потенциальной возможностью стать правителем государства, просветилось. Правда, пока властвовала грубая физическая сила, а дипломатия была в зародыше, государь мог позволить себе оставаться неграмотным. Владение оружием – вот и все, что ему было необходимо. На Западе говорили: «Сеньор, если он и никогда не касался книги, считается грамотным уже по праву своего рождения».

Такое позволялось встарь-
Копьем, мечом владеет,
Король французский, государь
Пред грамотой – немеет!

С Руси приехала княжна,
С ней, на подводе, книги,
Считает – грамота важна,
Не цепи и вериги.

В присутствии дворян тех мест,
Контракты подписала,
А государь поставил крест, —
Безграмотность сказалась.

На Руси грамота у лиц высокого положения считалась обязательной, Дочь великого Киевского князя Ярослава, показала французскому королевскому двору превосходство русского воспитания.

И позднее, государи обучали своих детей, и не только по часословам. Обучалась грамоте и нежалующая ее императрица Елизавета. При ней даже Российская Академия наук была открыта.

У дочери Петра нет склонности к науке,
Хотя и грамоте ученою была.
Да, чтение для нее – такая скука...
Зевота даже челюсти свела.

Иное дело – танцы, смех.
Иное дело пышные парады.
Но есть условие для всех:
Затмить нельзя царицины наряды.

И, действительно, императрица Елизавета, уверенная в своей необыкновенной красоте, нетерпимо относилась к тем придворным дамам, которые позволяли шить себе платье из той материи, того же покроя, которые она избрала себе для увеселительного вечера. А еще государыне нравились «ряженные». Причем, мужчины должны были наряжаться в женские наряды, а женщины в мужские.

Сейчас я тоже вижу постоянно «ряженных», как на сцене, так и в быту. Видишь президента, на нем мужская одежда. Станешь внимательно приглядываться и чувствуешь, что ошибался. Это – баба ряженая. В другом случае, все, как у бабы, даже коса, старательно венком уложенная. А, оказывается, – мужик!

У ребенка все происходит постепенно, незаметно, взрыв познания наступает с момента овладения речью.

А потом слова поступят
Слуху в услужение.
Время доброе наступит,
В смысле, – размышления.

Но каждый народ имеет свои языковые особенности. Не учитывать их, значит, совершать ошибку.

Говоря по этому поводу, я предлагаю вспомнить фразу, пришедшую к нам из глубокой древности:

Платон говорил: «Афиняне заботятся преимущественно о богатстве и изящности своей речи, лакедемоняне – о ее краткости, а жители Крита – об изобилии мыслей, нежели о самом языке».

Характера черты приобретая, —
Пока еще молчит, не говорит-
Протесты криком вылетают,
Он не бурчит и не ворчит.

Естественен протест и прост:
Голоден, мокрый, может, болен,
Запор, простуда и понос,
Иль просто чем-то недоволен?

Что, поделать, речь не стало богатством младенца, единственная возможность изъяснить желание – покричать! К этому способу прибегают и взрослые, теряя возможность контролировать события

Объем слов и их расстановка свидетельствовали о возможности речеизъяснения. А это в свою очередь зависело от грамотности.

Так, что желающему стать оратором недостаточно, как Демосфену класть камешки под язык, нужно было обладать огромной информацией.

Пытливый ум

Пытливый ум найдет себе работу,
Пусть это кажется кому-то пустяком,
Родителям достанутся заботы,
А плата – тонким, длинным ремешком!

Поплакал, порыдал, потом – притих,
Забыто горе, на устах улыбка...
Не разбирая промахов чужих,
Он учится на собственных ошибках.

Возможности родителей, проживающих в селе и городе не сопоставимы. На селе нет музеев, нет крупных библиотек и многого другого. И выбор пути сельского ребенка и городского различен.

Ну, что поделать, деревенский мир,
Не ведал академий институтов.
Врата учения – псалтырь,
И в поле марш, чтоб стороны не путал!

Для малыша и двор – великий мир,
А за воротами его – вселенная:
Так много белых пятен, черных дыр,
И жажда их познания – несомненная!

С чего начать? Где кончик нити?
Не расплести клубок, чтоб получить ответ!
Живя в плену неведомых событий,
Которым срок прошел тому немало лет.

Заглянет кто в головку малыша
Что в голове посеяно, что всходит?
У семени природа ль хороша?
Иль только то, что сам малыш находит?

Полезная находка, или нет?
Приятная для глаз и для души приятна?
А может, принесет непоправимый вред?
Событий малышу не прокрутить обратно!

Нет опыта, откуда ему быть?
Путь к истине чрез узенькие щели...
И все это приходится пробить,
Не ставя пред собой определенной цели!

А тут еще соблазнов разных сеть,
Натянута повсюду паутина,
К тому же истину так трудно разглядеть,
К тому ж она еще – необозрима...

Путь отклонился, не туда пошел,
И стал душой, как дерево кривое.
Вне истины живется хорошо.

В объятиях ее не ведают покоя.

Ценнее информации ничего нет

В чем основная разница между человеком прошлых времен и современным? Только в объеме информационного поля. В чем разница между современными людьми? Ответ тот же: в объеме информационного поля. Полагаю, что это не требует доказательств. Знания несут книги и средства массовой информации. В последнее время значение книги несколько стало меньше, но пока своих позиций она полностью не сдала, оставаясь источником для создания тех же – электронных версий.

Книги были входом в мир иной,
Прежде, совершенно незнакомый,
Нет, наверно, книги ни одной,
Где б не пахло хоть частицей дома!.

Книги есть хорошие, плохие,
На одних – прекрасный переплет,
Но страницы, словно неживые,
Да и мысль скупая, чуть живет.

Можно прочитать Декарта, Маркса,
Можно только сказочки читать.
Истина скрывается под маской,
Знаний пласт, и таинства печать.

Для ребенка пишут дяди, тети,
Словно под угаром «наркоты»,
Как и прежде, в мягком переплете.
И опять нет мысли полноты...

Были прежде книги дорогие.
Твердые, с тиснением золотым,
Как зеницу ока их хранили.
И дарили в праздник молодым.

Но они для избранных и храма,
Бедному ту книгу не купить.
Только одаренным и упрямым,
Повезло свет истины испить

Книги так похожи на лекарство,
Прочитаешь – на душе легко!
В мире книг, как в тридевятом царстве,
Время вдруг обратно потекло

И в заключение – мысль небольшая и скромная: «Почему люди не государственного полета, озабоченные судьбой только своей идеи, всегда боролись с книгой? И эта борьба не только нашему времени свойственна была!

Запреты есть, и есть закрытый фонд,
К тому ж еще и жесткая цензура.
Литература похожа на фронт,

На нем воюют с русскою культурой

Но основой всему стала обычная грамота. И великие люди Древнего мира, занимаясь важнейшими государственными вопросами, находили время и для создания бесценных для нас письменных творений авторов древности. Скажем, фараон-реформатор Аменхотеп IV или Эхнатон не только собирал папирусы, но и сам создавал поэтические произведения; сохранились его стихотворения, посвященные жене своей, красавице Нефертити.

Предлагаю читателю ознакомиться с текстом, дошедшим до нас из времен расцвета государства древности – Ассирии:

«Я, Ашшурбанапал, постиг мудрость Набу, все искусство писцов, усвоил знания всех мастеров, сколько их есть... Я изучил ремесло мудрого Адапа, постиг скрытые тайны искусства письма, я читал о небесных и земных постройках и размышлял над ними. Я присутствовал на собраниях царских переписчиков. Я наблюдал за предзнаменованиями, я толковал явления небес с учеными жрецами, я решал сложные задачи с умножением и делением, которые не сразу понятны...»

Величие царя ассирийского Ашшурбанапала выразилось в том, что он создал первую огромную библиотеку из сотен тысяч глиняных таблиц с клинописным текстом. Похоже, царь понимал значимость грамоты.

А создатель великой библиотеки в Александрии Птоле-

мей Сотер!..

А русский царь Иван Грозный, библиотека которого каким-то таинственным образом исчезла!.. Поисками пропажи занимались долго, без положительного результата. Может кому-нибудь повезет, найти ее?

Грамота до русского села долго добиралась. Не то дорог к селу не прокладывали, не то узки и кривы они были, не то – просто затерялись в бескрайних просторах России, но только еще в царский период времени известный книгоиздатель России – Сытин Иван Дмитриевич говорил о том, что на селе пользуются особенным спросом лубочные картинки, а не книги. Поменьше текста, побольше изображений! В этом и герой моей повести мог убедиться, проживая когда-то в районном центре Тамбовской области селе Шахмань. Молодежь уже начала тянуться к книге в то время, когда взрослое население оставалось в большинстве своем неграмотным. Не добралась еще сюда система объявленной советским правительством поголовной ликвидации безграмотности

Село неграмотным было.

Село – не город, все же?..

Работы тут, – чуть рассвело,

Не сделать, – лезь из кожи!

Животные мычат, режут;

Гогочет, квохчет птица...

Не посидеть и трех минут —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.